

фантастическая
история

Книги Александра Башибузука
в серии «Фантастическая История»

СТРАНА АРМАНЬЯК. БАСТАРД
СТРАНА АРМАНЬЯК. РУТЬЕР
СТРАНА АРМАНЬЯК. ДРАКОН ЗОЛОТОГО РУНА
СТРАНА АРМАНЬЯК. ФАВОРИТ
СТРАНА АРМАНЬЯК. ГРАФ БОЖЬЕЙ МИЛОСТЬЮ
СТРАНА АРМАНЬЯК. ВЕЛИКИЙ ПОСЛАННИК
СТРАНА АРМАНЬЯК. КНЯЗЬ ДВИНСКИЙ

ЧЕРНАЯ КРОВЬ САХАЛИНА. КАТОРЖАНИН
ЧЕРНАЯ КРОВЬ САХАЛИНА. ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР

МОСКВА, 2021

фантастическая
история

Александр Башибузук
Черная кровь Сахалина.
Генерал-губернатор

 ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б33

Серия основана в 2010 году
Выпуск 150

Башибузук А.

Б33 **Черная кровь Сахалина. Генерал-губернатор: Фантастический роман.** — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2021. — 281 с.: ил. — (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-3303-2

Граф божьей милостью Жан VI Арманьяк, после своей смерти попавший в тело осужденного на каторгу штабс-ротмистра Александра Любича, вынужден покинуть Россию. Власти не оценили его мужества и просто выдворили из страны, дабы не допустить огласки героического сопротивления ополченцев японской оккупации. Но он не оставил своего желания поквитаться с японцами и отобрать у них захваченную часть Сахалина. Час расплаты обязательно придет, но сначала надо подготовиться к новой войне: раздобыть средства, найти союзников и создать свою армию. Самураи прекрасно знают, на что способен их заклятый враг, и не простили ему унижений на Сахалине — теперь на Александра Любича открывают охоту японские тайные общества.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Александр Башибузук, 2021
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2021

ISBN 978-5-9922-3303-2

ПРОЛОГ

Лом с силой врезался в камень. Раздался звонкий металлический лязг, весело брызнули синие искры.

Удар, второй, третий... В сложенной из дикого камня стене появилась трещина, а еще через мгновение булыжники осыпались, образовав неровный пролом, своими очертаниями напоминавший фигуру человека.

— Ах ты ж... — Громадный мужик устало повел саженными плечами и отер рукавом пот со лба. — Крепко ладил раньше, не то что сейчас...

— Точна... — забавно коверкая слова, поддакнул низенький бородатый крепыш. — Раньше людь тоже крепче была...

— Так и есть, — очень серьезно заметил худощавый блондин и шагнул к пролому.

— Саша! — предостерегающе воскликнула красивая девушка в повязанном на русский манер платке. — Подожди, пусть помещение проветрится, там может быть всякая зараза.

— А еще... еще проклятие! — Удивительно похожая на нее девочка испуганно округлила глаза и прикрыла ладошкой рот. — На сокровища может быть наложено проклятие! На случай, если кто-то посторонний сунется...

— Ты права, Мадина, проклятие вполне может быть, — согласился блондин, прикрывая лицо шейным платком. — Но мне здесь точно ничего не грозит. Ждите... — Через несколько секунд из пролома раздался его

спокойный голос: — Майя, Мадина, прошу вас. Лука, Тайто, вы пока останьтесь...

Небольшое, грубо вытесанное в сплошном каменном монолите помещение почти полностью было заставлено развалившимися от времени бочонками и сундуками. Сквозь труху просматривались груды почерневших монет, слитков и россыпи масляно отблескивающих в свете ламп драгоценных камней.

— Ой! — Мадина прижалась к Александру и подрагивающей рукой показала на человеческие кости в углу. — А это кто?

— Это те, кто сложил здесь сокровища, — ответил блондин.

— Их убили?

— Нет, они сами приняли яд, чтобы унести в могилу тайну своего господина.

— Я думала, так бывает только в книгах, — заметила Майя. — А что произошло дальше?

— Расскажи, расскажи! — поддержала ее Мадина, подпрыгивая от нетерпения. — Ты давно обещал рассказать!

— Хорошо... — не очень охотно согласился Александр. — Но это очень долгая и запутанная история, давайте ограничимся предельно кратким изложением. Эти сокровища приказал спрятать граф божьей милостью Жан Пятый Арманьяк, когда король Франции Луи Одиннадцатый по прозвищу Всемирный Паук решил отобрать все земли, принадлежавшие роду Арманьяков. В дальнейшем графа растерзала солдатня в городе Лектуре, а его жену Жанну де Фуа по приказу Паука отравили в замке Бюзе-Сен-Такр.

— И что, никто из семьи Арманьяков не выжил?

— Почти никто... — после недолгой паузы ответил Александр. — Некоторые Арманьяки переметнулись к Пауку, а остальных замучили в застенках. Остался лишь

бастард Жан, виконт де Лавардан и Рокебрен, сын графа от связи с его собственной сестрой.

— Виконт де Лавардан? Но так называется замок, который ты купил... — озадаченно заметила Майя.

— Да-да, шато Лавардан! — подтвердила Мадина. — И мы теперь имеем право тоже так называться. Мадина де Лавардан! Майя и Александр де Лавардан! Звучит неплохо.

— Да, в свое время этот замок принадлежал бастарду, — улыбнулся Александр.

— А что случилось с самим виконтом?

— Он... он пропал... — странно улыбнулся блондин. — Просто пропал. Но поговаривают, что ему суждено вечно скитаться во времени.

— Отчего-то мне кажется, что ты неспроста купил именно этот замок... — тихо сказала Майя. — Если ты думаешь, что я забыла, как ты разговаривал со мной на старофранцузском, то сильно ошибаешься. И рано или поздно ты мне все расскажешь. Но что будет дальше? Что мы будем делать?

— Дальше... — Александр еще раз улыбнулся. — Скажем так, нам предстоит очень много работы. Обещаю, скучно не будет. А потом мы вернемся в Россию.

— Зачем? — в один голос задали вопрос Майя и Мадина.

— Вы что, забыли? Половину нашего дома отобрали грабители, и нам предстоит вернуть его обратно.

ГЛАВА 1

Франция...

Я вытащил из жилетного кармана часы. Так... еще полчаса у меня есть, а значит, можно не спеша насладиться бездельем. Громко зашипела спичка, я тщательно раскурил черуту, отпил маленький глоточек крепчайшего турецкого кофе и опять задумался.

Так, о чем это я? Ах да... После того как я вернулся во Францию, казалось, что буду чувствовать себя, как на родине, но ничего подобного так и не испытал. Не та страна, не те люди — все очень сильно изменилось. Впрочем, точно так же, как и во всей Европе и даже в России — везде я чувствовал себя чужим. Правда, уже начал понемногу привыкать ко времени. Что и немудрено, с моим-то опытом шастанья по эпохам.

— Кто он такой вообще, этот барон де Лавардан? — неожиданно возмущенно воскликнул напوماженный хлыщ за соседним столиком. — В какую колонку светской хроники ни глянешь — везде он! Откуда он взялся? Ну вот, опять... — Он с досадой отбросил газету. — Александр де Лавардан вместе с принцессой Вюртембергской открыл бал в Вене...

— А еще он выиграл Олимпиаду в соревнованиях по фехтованию, причем во всех дисциплинах, даже в палке, неоднократно побеждал в гонках на автомобилях, безвозмездно передал Франции корону Карла Смелого Бургундского, за что был произведен в почетные академики,

охотился вместе с бельгийским королем Леопольдом на куропаток, а с одним из английских принцев — на фазанов, — ответил крикливо, но тщательно одетый полноватый молодой мужчина, манерно растягивая слова. — Ты отстал от жизни, Филипп. Александр де Лавардан последние два года — одно из главных действующих лиц светской жизни Европы. Великолепный спортсмен, красавец, меценат и бездельник, богат как Крез, и, самое главное, он на короткой ноге с аристократией, как новой, так и старой.

Сплетник многозначительно посмотрел на собеседника и добавил:

— Да что там, он даже вхож едва ли не во все королевские дома Европы. На что в Америке не жалуют наших, но и там де Лавардан отметился — едва ли не больше, чем здесь. А вот откуда он сам взялся — пожалуй, не знает никто. Поговаривают, что Александр — внебрачный сын предыдущего русского императора, хотя, скорее всего, это не более чем слухи. Достоверно известно лишь только то, что этот выскочка прибыл из Южной Америки, сам по национальности француз и происходит из побочной ветви одного из самых старейших родов Европы...

Я невольно улыбнулся. Да, я такой... Четыре года после высылки из России прошли очень насыщенно и плодотворно. На Олимпиаду поперся больше из любопытства и чванливости, ну сами посудите, стать олимпийским чемпионом в двух олимпиадах с разницей почти в восемьдесят лет — это что-то с чем-то. Ну... это как трахнуть прапрапрабабку одной из русских императриц. Что, кстати, я успешно и исполнил в свое время.

Правда, на удивление, победить в Олимпиаде оказалось трудно — фехтование уже сделало большой скачок вперед, а моя боевая средневековая манера напрочь не годилась для спортивных поединков. Пришлось спешно перестраиваться.

В автомобильных гонках участвую — всегда любил быструю езду, но не только из-за этого, и с аристократией тусуюсь, на что тоже есть своя немаловажная причина — это дало мне нечто очень важное, а именно — связи! Без этих связей в Европе, да и во всем мире, как без воды и без воздуха. А еще — это доступ к очень важной информации. К тому же публичная слава жуира и гедониста служит отличным прикрытием моим основным занятиям.

Понятное дело, маловероятно, что японская разведка совсем забыла про Александра Любича, но я очень хорошо замел следы, к тому же лощеный аристократ Александр де Лавардан ну никак не походит на того худющего патлатого маньяка с бешеными воспаленными глазами, которого зафиксировали косоглазые. Впрочем, я не имею привычки расслабляться и всегда начеку. К тому же из публичного круга я постепенно ухожу.

Бездельник? В этом вопросе пресса очень сильно ошибается. Просто сфера моей деятельности остается недоступна для посторонних.

Богат? Не как Крез, но богат. И не только благодаря сокровищам Арманьяков и Карла Смелого. Но обо всем этом стоит рассказать отдельно.

Из России я убыл Лемешевым Александром Вячеславовичем, то есть под своей настоящей фамилией, но оным я пробыл ровно до прибытия во Францию. Здесь благодаря связям барона д'Айю мы сразу же несколько раз сменили свои личины и легенды, чтобы запутать японцев, буде они удумают искать своих обидчиков. В результате я стал Александром да Сильва, аргентинцем по происхождению, Лука — Лукашем Елдецким, поляком, а Тайто — чилийцем Аугусто Пиночетом, благо, после того, как айн был приведен в божеский вид, самым неожиданным образом стал похож на латиноамериканца. А Майя и Мадина превратились в Марину и Мадлен да

Сильва, так как с первой я сразу по прибытии обвенчался, а вторую удочерил.

С финансами проблем не было: благодаря простым людям Владивостока и сундучку японского бухгалтера-самурая денег хватило бы на безбедную жизнь на долгие-долгие годы. Даже учитывая то, что я почти треть наличных средств перевел вдове и сыну покойного капитана Полухина...

— И самое необычное, — продолжил разряженный толстяк. — Александру де Лавардану приписывается множество любовных романов, но на поверку он всегда оказывается образцово-показательным семьянином. Журналисты с ног сбились, но ничего по-настоящему компрометирующего так и не нашли — слухи остались только слухами. Ни малейшей интрижки, даже с актрисками, вообще ничего.

— Скучный он какой-то... — презрительно буркнул напوماженный хлыщ. — Быть верным жене? Фу...

— Но я подозреваю, что тому есть основательная причина, — загадочно понизил голос толстяк. — Так ведут себя только люди, которые хотят скрыть свою настоящую ориентацию. Да-да, Филипп, скорее всего, это человек нашего круга.

— Ну, хоть что-то оправдывает этого красавчика! — мерзко хихикнул хлыщ.

Первым желанием было перерезать уродам глотки, но вместо этого я только скорбно вздохнул. Ну вот, уже к заднеприводным причислили. Не то чтобы я исповедовал моногамию, просто очень тщательно прячу концы в воду, но Майю действительно люблю и стараюсь ее не огорчать. Да и черт с ними, пусть думают, что хотят.

Так... о чем это я? Ах да...

Но, увы, для претворения в жизнь моих планов финансов все равно категорически не хватало, а посему после легализации я первым делом нанял яхту и отправился на островной архипелаг Молен, который в мою средневе-

ковую бытность графу де Граве пожаловал дюк Бретонский Франциск. Да, не в Арманьяк, а в Бретань. Дело в том, что и в реальной истории сокровища Карла Смелого Бургундского точно так же слямзили перед битвой при Нанси, и к этому приложил свою руку тот же кондотьер граф Кампобассо. Их по сей день не нашли, а значит, оставался некоторый шанс на то, что они до сих пор лежат в пещерке на островке. Весьма призрачный, за сотни лет этот каменистый островок вообще мог скрыться с лица земли, но я решил все равно попытаться его использовать.

И успешно использовал. К моему величайшему удивлению, как островок, так и клад оказались на месте. Не буду описывать, как я его доставал, — все прошло гораздо сложнее, чем в прошлый раз, но в итоге все получилось. Золотых и серебряных монет нашлось не особо много, всего около трети тонны, это общим весом, потому что большую часть унес океан, но главную ценность представляли собой не они, а четыре большущих сундука с разной драгоценной утварью, преимущественно золотой и инкрустированной драгоценными камнями.

Легализация ценностей грозила большими сложностями и потерями, потому пришлось поломать голову. Но в результате поступил почти точно так же, как в прошлый раз, когда забрал из сокровищ только свое не выданное когда-то жалованье, а остальное отдал Мергерит, вдове покойного герцога. Только сейчас часть клада, в том числе некоторые знаковые регалии герцога Бургундского, я безвозмездно передал Франции, за что получил гражданство и баронский титул, а от Парижской академии наук — звание почетного академика. Ну а остальное без лишней огласки поместил в надежный швейцарский банк-гном, как раз специализирующийся на подобной практике, после чего под залог этих ценностей взял кредит, сразу выплатил проценты и оказался обладателем своего первого, абсолютно законного миллиона.

Ну а дальше пришел черед сокровищам Арманьяков. И уже с ними все получилось гораздо сложнее и одновременно проще. Но об этом — немного позже...

Я быстро глянул на часы, одним глотком допил кофе, бросил на блюде несколько монет и вышел из кафе. «Сладкая парочка» за соседним столиком не обратила на меня никакого внимания, хотя фотографиями Александра де Лавардана пестрела вся желтая пресса в Европе. С недавних пор у меня в штате появился профессиональный гример, который всего лишь парой взмахов расчески делает меня полностью неузнаваемым. Увы, мера очень вынужденная, и не только из-за косоглазых.

Итак, Марсель... Обычный средиземноморский портовый городок. Запутанные улочки, жаркое солнце, запах моря, рыбы и жареных каштанов. Но, увы, сравнить нынешний город с его средневековой версией я не могу — в мою бытность Жаном Арманьяком я в Марсель ни разу не наведывался. А знаменитый замок Иф построили гораздо позже.

Из переулка вывернулся низкорослый кривоногий крепыш в обычной для марсельского люда свободной куртке и кепке-гавроше и тут же смешался с фланирующей по набережной публикой.

Ага, Рауль бдит на посту, значит, где-то рядом и его брат-близнец Артуро. Братья Очоа, баски из Сибура, представляют мой ближний круг охраны, только негласный. Тайто и Лука слишком фактурны для того, чтобы оставаться в тени, но они всегда рядом, когда не требуется скрытность. Басков я случайно выручил из очень больших неприятностей, фактически спас от пожизненной каторги, и с тех пор ни разу не пожалел. Для братцев перерезать кому-нибудь глотку — как отхлебнуть глоток сидра. Других нужных талантов тоже хватает с лихвой, парни — насквозь криминальные элементы. В общем, способные ребята и главное, преданы мне как собаки. И вообще, для басков, особенно из глубинки, отноше-

ния в стиле «господин — вассал» — абсолютная норма, так как из них до конца еще не выветрилось Средневековье.

Так... пришел... Мордатый швейцар в шикарной ливрее с почтительным поклоном взялся за бронзовую ручку. С серебристым звоном открылась дверь. Едва я переступил порог, как из-за стойки сорвался метрдотель и без лишних вопросов препроводил в отдельный кабинет.

— Месье де Лавардан... — Из-за столика встал грузный лысеющий мужчина в дорогом летнем костюме и золотом пенсне. Кивнул мне.

«Я прибыл за десять минут до встречи, а ты уже здесь... — отметил я про себя, — и, судя по пепельнице, успел выкурить две сигареты. И высадил их одну за одной, официант не успел прибраться. Волнуешься, капиталист чертов? И не зря. Но морда каменная, в выдержке не откажешь, хвалю...»

— Месье Дешамп... — Я вернул кивок и неспешно расположился за столиком.

Повисла тяжелая пауза, надо отметить, мой визави вел себя очень сдержанно, но я все равно дотянул до того момента, когда у него на лице стали проявляться первые признаки нервного нетерпения.

— Месье Дешамп. — Я положил на стол большой конверт из плотной бумаги. — Здесь подлинники фотографий и писем.

— А копии? — с некоторым недоверием в голосе сухо поинтересовался мужчина. Чувствовалось, что он только диким усилием воли сдерживается, чтобы не схватить пакет.

— Их не существует, — спокойно ответил я. — Проблемы решены окончательно.

— Месье де Лавардан...

Я его слегка бестактно перебил, чтобы еще больше вывести из равновесия и подчеркнуть: сейчас только я решаю, в каком тоне нам общаться.

— Вы вполне можете меня называть по имени.

— Александр...

— Теодор...

— Я не знаю, как выразить вам нашу благодарность, Александр, — явно сильно волнуясь, выдавил из себя Теодор Дешамп, председатель комиссии Сената по вооружению Республики. — Поэтому просто назовите любую сумму!

— Вы хотите оскорбить меня? — сухо поинтересовался я.

— Ни в коем случае! — пылко возразил мужчина. — Уверяю, совсем наоборот!

— Какие счета между друзьями? — Я изобразил самую доброжелательную улыбку из тех, что имелись в моем арсенале. — Я помогал исключительно из искренних побуждений и симпатии к вам и вашей дочери.

— Эта мерзавка... — рыкнул Дешамп, нервно теребя узел галстука на шее, — чуть не отправила меня с женой на тот свет своей выходкой...

— Право слово, вы слишком суровы к Луизе. Но я присмотрю за ней. Уверяю, что в дальнейшем ничего подобного не случится. А сейчас отдадим должное меч-рыбе. Рекомендую. Ее здесь готовят лучше, чем где-либо на побережье...

Расстались мы совершеннейшими друзьями. Впрочем, все ради этого и затевалось. В семье Дешамп произошла банальная история. Во Франции сейчас правит новая аристократия, все эти нувориши, промышленники и коммерсанты здорово подвинули старую дворянскую когорту. Как это частенько бывает, обе партии дико ненавидят друг друга, но при малейшей возможности стараются породниться — первым нужны наследственные титулы и то положение, что они дают, а вторым — деньги. Вот и семейка Дешамп успешно договорилась сочетать свою дочуру с отпрыском одного из самых старых родов Франции. Но тут случился дичайший конфуз, прямо пе-

ред помолвкой некие доброжелатели предъявили папаше фотодоказательства, где Луиза Дешамп запечатлена во всей красе во время разнузданной оргии с представителями обоих полов. И пригрозили выбросить компру в прессу, если он не отвалит кругленькую сумму, сопоставимую с бюджетом небольшого европейского государства. Папаша уже был готов заплатить, так как помолвка обязательно сорвалась бы, но тут ему посоветовали обратиться ко мне как к человеку, уже неоднократно решавшему подобного рода проблемы, которые частенько возникают с отпрысками аристократических семейств. Действительно, проблема немедленно решилась, так как у меня «совершенно случайно» оказались выходы на шантажистов, и все остались довольны. Что мне с этого? Все просто, оружейное производство во Франции находится под государственным регулированием, производители без одобрения чиновников не могут никому ничего продать. А мне нужны скорострельные пушки и пулеметы. И теперь проблем с этим не будет.

Собственно, вот один из ответов на вопрос, почему я тусуюсь в аристократических кругах. Деньги порой бессильны, связи и репутация решают все.

Сердечно распрошавшись с чиновником, я еще немного прогулялся по набережной, наслаждаясь морским бризом и отличной погодой, а потом направился к стоянке экипажей, где меня ждал автомобиль.

Любой знаток автомобильной истории пришел бы в ужас, сопоставив марку автомобиля и его внешний вид со временем и местом. Согласен, «Форд-Т» выглядел в реальной истории несколько по-другому. Но там отсутствовал негласный компаньон Генри Форда, некий Александр де Лавардан. Да, мы с Генри пришли друг другу по душе. Второй моей страстью кроме фехтования были автомобили, и я всласть оторвался при первой же возможности. Двигатель, ходовая, зажигание, коробка, сцепление, черт побери, даже электрический клаксон — ко

всему приложил руку. Конечно, ничего суперсовременного я не создал, но в нынешних условиях даже однорядное сухое сцепление вместо убогого конусного — уже прорыв.

Собственно, это ответ на вопрос, почему я свечусь на публике, участвуя в гонках.

— Отец... — симпатичный коренастый бородач в великолепно сидевшем на нем костюме почтительно отворил дверцу.

— Ты поведешь, — бросил я Тайто, устраиваясь на заднем сиденье.

— Хей!!! — радостно воскликнул айн и тут же принялся натягивать на себя кожаную куртку.

Я невольно улыбнулся. Тайто удивительным образом очень быстро для представителя общинно-родового строя осовременился. По виду получился прямо-таки натуральный хипстер, а от техники за уши не оттянешь. Машины водит вообще виртуозно.

Ну да ладно, пусть радуется, а мне надо слегка поразмыслить. На чем я остановился?

Сокровища Арманьяков...

С ними мне тоже повезло, но для начала пришлось поволноваться. В Фезансаге, где я нашел клад в свою бытность Жаном Арманьяком, сокровищ не оказалось. Причем не обнаружилось не только золота, но и часовни, где находился вход в подземелье. И даже ее следов. А спешно поднятые документы уверенно свидетельствовали, что таковой вообще сроду не было.

Я уже было отчаялся, но потом, скрупулезно восстановив в памяти все события, связанные с кладом, вспомнил, что некоторое время сокровища находились в замке Лавардан, ранее принадлежащем настоящему бастарду и расположенном неподалеку от города Лектура, где сложил голову граф Жан Пятый Арманьяк.

На поверку выяснилось, что замок каким-то чудом уцелел, правда совсем не тот, каким я помнил шато. Вре-

мя его не особо пощадило, да и прежние хозяева зачем-то полностью перестроили. И самое интересное, замок продавался за совершенно смешную цену, но с обязательством будущего владельца вложить немалые суммы в восстановление.

Я тут же купил его, и, о чудо, при спешно произведенных раскопках обнаружилась вырубленная в скале штольня, ведущая в сокровищницу. Причем золота и прочих драгоценностей там оказалось гораздо больше, чем в прошлый раз. И в несколько другом ассортименте. Впрочем, я не стал ломать голову над этой загадкой и успешно освоил найденное, таким же образом, как и часть клада Карла Смелого, — через тот же швейцарский банк. И утроил свой капитал.

А в дальнейшем принялся активно его увеличивать. Но этот процесс тоже достоин отдельного упоминания.

Неожиданно сердце пронзила тупая тянущая боль. Я недовольно поморщился и помассировал грудь. Да уж... к каждой бочке меда припасена своя ложка дегтя. Началось все еще на Сахалине, но тогда мне было не до болячек, а продолжилось уже здесь. Правда, приступы очень редкие и короткие, практически мгновенные, да и доктора ссылаются только на нервы, так что, может, и обойдется. А нет так нет, все под Богом ходим.

Впереди показалась крытая красной черепицей крыша поместья, почти полностью утопающая в зелени раскидистых платанов. Ну что же, приехали.

Тайто ловко зарулил во двор. Громадный бородач с такой же здоровенной двустволкой в руке закрыл ворота и предупредительно распахнул дверцу машины.

— Прибыл? — уточнил у него я.

Лука солидно кивнул.

— В гостиной. С мамой беседуют.

Я кивнул, выскочил из автомобиля и быстрым шагом направился в дом.

ГЛАВА 2

На диване в гостиной сидел ничем не примечательный мужчина средних лет и оживленно беседовал с Майей по-русски. Полноватая фигура, сонное и скучающее выражение на добродушном лице... Алексей Федотович Свинын ничуть не изменился за эти годы. В дорогом летнем гражданском костюме он был похож на бухгалтера средней руки или коммивояжера, продающего домохозяйкам кухонные приборы, но никак не на свирепого рубаку.

Я про себя улыбнулся, вспомнив, как интендант на Сахалине выбрел к нашим постам в сарафане и криво повязанном дырявом платке. Но внешний вид обманчив — на поверку Алексей Федотович оказался отличным боевым офицером, правда... правда, занудным до мозга костей. Впрочем, как очень скоро выяснилось, эта черта характера никак не вступала в противоречие с деловыми качествами Свинына и даже дополняла их.

Алексей Федотович с момента нашего отъезда сделал великолепную карьеру и стал начальником столичного интендантского управления уже в чине полковника. За это время мы виделись всего один раз, когда он приезжал во Францию с российской армейской делегацией по закупке вооружения, но отсутствие личных встреч не мешало нам поддерживать тесную деловую связь — Свинын стал моей правой рукой в России.

— Александр Христианович! — Свинын вскочил с дивана и бросился мне навстречу.

— Алексей Федотович!

Мы крепко обнялись. Я действительно был рад видеть Свинына. Пролитая вместе кровь роднит.

— Как добрались?

— Ужасно... — Интендант поморщился. — Сами знаете, как я переносу морские путешествия. Но как только ступил на землю, все как рукой сняло. Ну а дальше меня

сразу подхватили ваши люди и первым делом заташили... — Свињин запнулся и неуверенно посмотрел на Майю.

Она улыбнулась и благосклонно кивнула.

— Простите, в бордель... — смущенно пробормотал интендант. — Откуда я вышел совсем другим человеком... — Алексей Федотович смахнул несуществующую пылинку с рукава новенького костюма. — Даже румянами измазали. Ей-ей, сам себя в зеркале не узнаю.

Я тоже улыбнулся. Свињин прибыл во Францию с частным визитом, якобы для поправки здоровья, но все равно, чтобы никто не смог провести параллель между мною и им, пришлось провернуть многоэтапную операцию прикрытия.

— Ой, да что же это я! — Свињин суматошно всплеснул руками. — Я же с подарками! — Он извлек из недр объемистого саквояжа изящно отделанную слоновой костью и золотом маленькую плоскую шкатулку, открыл ее и с поклоном подал Майе. — Прошу, Майя Александровна, бундэльревольвер, или пеппербокс, конец прошлого века, но уже под патрон кольцевого воспламенения.

— Благодарю, Алексей Федотович. — Майя довольно улыбнулась. — Угодили. Всегда такой хотела.

Я про себя хмыкнул. Выдержка и самообладание у моей жены — обзавидуешься. На самом деле она оружие недолюбливает, и это мягко говоря. Хотя и великолепно им владеет.

— Пустое, — отмахнулся Свињин и преподнес уже мне длинный изогнутый кинжал в ножнах с накладками из чеканного серебра. — Александр Христианович, зная вашу любовь к холодному оружию, не смог удержаться. Семнадцатый век, розовый булат, индийская работа. — А это... — Интендант ухватил с дивана разряженную куклу ручной работы. — Простите, а Мадина Александровна...

В этот момент дверь приотворилась и в щели на уровне пояса взрослого человека показался черный влажный нос, а следом за ним — лохматая здоровенная медвежья башка. Медведь с шумом втянул воздух, удовлетворенно хрюкнул и изящно, словно арабский иноходец, ступая косолапыми лапищами, втиснулся в гостиную.

Само по себе появление здоровенной зверюги выглядело весьма ошеломляюще, особенно для человека, незнакомого с нашими реалиями, вдобавок эффект усиливал тот факт, что на спине зверюги грациозно восседала ослепительно красивая девушка в женском бархатном фехтовальном костюме, при рапире на поясе и с собранными на древнегреческий манер в высокую прическу длинными, иссиня-черными волосами.

— Ой... — Интендант охнул, перевел взгляд на куклу в своих руках и мигом спрятал ее за спину.

И я его прекрасно понял. Последний раз Свиньин видел Мадину еще совсем ребенком, но за прошедшие с этого момента четыре года она превратилась в очень красивую семнадцатилетнюю девушку. Вдобавок весьма своенравную и склонную к эпатажу.

Ну и медведь — тут любой ошалевает. Его мы купили еще в России совсем крошечным — Мадина устроила настоящий демарш и выпросила все-таки себе питомца, с которым по сей день не расставалась ни на минуту. Балда, так прозвали косолапого, вырос жизнерадостным, ласковым и удивительно разумным зверем, причем убежденным вегетарианцем — да, жрал как не в себя, но от мяса категорически отказывался, изредка позволяя себе только рыбу. Ну и тоже вымахал за это время в настоящую громадину. Правда, свирепостью и кровожадностью медведь отнюдь не блистал, отличаясь удивительно миролюбивым и несколько трусоватым характером.

Мадина грациозно слезла со спины Балды и исполнила изящный, выверенный книксен.

— Алекс, Майя, Алексей Федотович...

— Тут я, того-этого, Магина Александровна... — Свинын замялся и все же извлек из-за спины куклу.

Магина мигом скинула с себя личину светской холодной дамы, радостно завизжала и бросилась ему на шею.

— Дядя Алексей!!! Ой, какая красивая!..

Дальше, после еще одной трогательной сценки, мы все переместились в столовую, где славно отобедали. Лука и Тайто на правах членов семьи обедали с нами. Балда — тоже, но не за столом, а на специально отведенном для него месте рядом. Медведь за обе щеки уписывал свою любимую гурьевскую кашу из здорового тазика, но удивительно аккуратно, даже почти не чавкал.

А потом мы с Алексеем Федотовичем уединились в курительной комнате за арманьяком и сигарами.

— Я готов немедля отчитаться о целевом использовании средств, Александр Христианович! — тут же заявил Свинын.

— Лишнее, успеете еще, — остановил я его. — Сегодня ограничимся вольным пересказом состояния наших дел.

— Как прикажете. — Интендант уставным образом кивнул. — Начну, пожалуй, с того, что недавно официальным благоволением государя наша «Отчизна» причислена к обществам, желательным для вступления офицерского состава армии и флота, а также чинам гражданской службы. Император сам лично сделал взнос в кассу взаимопомощи при обществе в сумме десять тысяч рублей. Еще столько же внесли великие князья. Могу отметить, что наши сторонники теперь появились практически во всех институтах власти, вплоть до жандармского корпуса, причем в высших эшелонах....

— Ну что же, Алексей Федотович, великолепная работа! — Я крепко пожал руку Свиныну. — Выпьем за это. Право слово, я впечатлен...

Результаты действительно впечатляли. Честно говоря, я даже не ожидал такого успеха. И речь не о том, что госу-

дарь-анпиратор наконец соизволил нас заметить и даже милостиво бросил свою подачку.

Началось все с того, что я организовал в Санкт-Петербурге и Москве кассы взаимопомощи участникам Русско-японской войны. Любой ветеран, офицер или солдат, каким-либо образом пострадавший в результате боевых действий, мог рассчитывать на разовую финансовую помощь. Небольшую, но, если учитывать состояние дел в империи с ветеранами, совсем нелишнюю, особенно — для вдов и близких родственников погибших нижних чинов. Чуть позже при кассах возникла организация, которая оказывала правовую помощь тем же ветеранам, и два приюта для инвалидов. Но со временем эта организация трансформировалась в целое патриотическое общество, практически аналог того же японского «Кокурюкай», но названное гораздо проще — «Отчизна». Целью общества обозначили возвращение попранной славы русского оружия и бездарно потерянных территорий. Публично мы вели обычную просветительско-патриотическую деятельность среди населения: организовывали лекции в учебных заведениях и просто в обществе, выпускали газету и даже устраивали военные лагеря, где любой желающий, в том числе и дамы, мог получить начальную военную подготовку. Но настоящую работу проводили только среди избранных, в основном в офицерском корпусе. Организовывали стажировку через своих людей в ведущих военных заведениях мира, знакомили с последними новинками военной техники, стратегии и тактики, проводили практические занятия... И так далее, и тому подобное. То есть фактически готовили к новой войне. Или даже к чему-то большему.

Естественно, наша деятельность не осталась незамеченной соответствующими органами Российской империи, но к тому времени наши «щупальца» добрались и туда, так что нежелательной реакции со стороны властей удалось избежать.

Так вот, сказав «наша «Отчизна», Свиньин ничуть не покривил душой, потому что именно он стал основным исполнителем и именно благодаря ему мы добились таких результатов. Впрочем, Стерлигов тоже приложил свою руку к успеху, и его заслуги тоже нельзя не упомянуть.

Закусив, интендант опять вернулся к докладу:

— Первые триста семей переселенцев по нашей программе уже прибыли на Сахалин и начали обживать.

— Какова реакция местных властей?..

— Оказывают полное содействие... — Интендант ухмыльнулся. — Особенно после того, как мы организовали чистку среди местных чинуш.

Я одобрительно кивнул ему и снова разлил по рюмкам арманьяк.

Попутно с основной деятельностью мы организовали отдельную программу нового заселения Сахалина, но не абы кем, а с далеко идущим прицелом. А чтобы исключить противодействие местных властей, поставили там на все ключевые точки своих людей.

Да уж... Если и дальше пойдет так же, то есть мы будем пить за каждую хорошую новость, то сегодня придется нажраться в стельку. А новости идут одна за одной.

— Кстати, совсем забыл... — Свиньин хлопнул себя по лбу. — Я виделся с Адольфом Карловичем! Экспедиция закончила свою работу. Скоро он прибудет в Марсель, чтобы самолично отчитаться перед вами. Есть! Нефть есть. Отличная нефть. И ее чертовски много!

Я с трудом сдержался, чтобы не выругаться от радости. Я прекрасно знал, что север Сахалина — один сплошной нефтяной Клондайк, и сразу после того, как более-менее встал на ноги, снарядил туда экспедицию, потому что без нефти исполнение моей задумки оказывалось под очень большим вопросом. Все просто. Нефть — это та приманка, на которую пойдут косяком могущественные союзни-

ки, а без таковых бодаться с японцами практически бесполезно.

Почти три года шла разведка, я вбухал гигантские средства, в том числе и на взятки российским чиновникам, но результатов не было. Все показывало, что нефть есть, но само «черное золото» найти никак не могли. И вот... черт... Нажрись, ей-ей нажрись. А уже завтра начну планировать поездку в Америку. Хай, Тедди, у меня к тебе есть очень серьезный разговор.

Кто такой Тедди? Один знакомый мужичок, ныне подвизающийся президентом Северо-Американских Соединенных Штатов. С ним меня свел Джон Пирпонт Морган. Да, тот самый Морган, дальний потомок знаменитого пирата, банкир и прочая, и прочая. А с ним меня познакомила его дочь, Энн Морган, подруга моей жены. Да, все запутано. Но с упомянутыми товарищами меня связывают не только дружеские отношения, а в первую очередь — деловые. В блестяще проведенном Джоном урегулировании банковской паники тысяча девятьсот седьмого года в Нью-Йорке участвовали и мои средства. Но не суть.

Свиньин зачем-то оглянулся и вытащил из своего саквояжа две толстые папки.

— Алексей Федотович, ну право слово, сегодня обойдемся без отчетности... — Я укоризненно покачал головой и в очередной раз наполнил рюмки.

— Александр Христианович... — Интендант запнулся, подождал, пока служанка сменит пепельницу, и только потом заговорил: — Здесь другие документы. Это... — Он многозначительно кивнул. — Это схемы, через которые из России выводили средства, украденные при строительстве железных дорог. Громадные средства, хочу заметить. Миллионы, десятки и сотни миллионов. Увы, расследование в России невозможно по причине высоких покровителей, но вам эта информация может быть полез-

на в качестве... к примеру, компрометирующих материалов.

Я отрыл первую папку и быстро пролистал несколько страниц.

Так... банкирские дома Рафаиловичей, Животовских... Если не ошибаюсь — это какая-то родня того самого Лейбы Троцкого... Ротштейн, Варбург... Евреи, евреи, и опять евреи... Ничего против не имею, но в этом досье их как-то много. Ого, сам Витте мелькнул. Да ну, и он замазан? А вот и Путилов... Однозначно интересно. Но надо подумать, как использовать...

— Откуда у вас это, Алексей Федотович?

— Я же говорил, что наши люди есть во всех структурах власти, в том числе и в надзорных органах... — с тщательной маскируемой гордостью ответил Свинын и продолжил выкладывать папки на стол. — А вот это — документы, которые вы запрашивали. Полное досье на бундистов, а это эсеры... как их там... социалисты-революционеры. А здесь — анархисты, прости господи... В общем, вся шваль. Вычистить бы их частой гребенкой...

— Придет время — вычистим, — уверенно пообещал я.

При этом сильно покривил душой. На самом деле я рассматривал упомянутые организации скорее как союзников. Но посмотрим. С тех пор как я запрашивал документы, прошло немало времени, и вопрос союзничества практически изжил себя. Оказать услугу отечеству, проредив весь этот кагал, я вполне могу. Но, опять же, только в своих интересах.

— И самое главное, Александр Христианович... — Свинын вслед за мной махнул рюмку. — Зафиксирован пристальный интерес к нашему обществу со стороны британской разведки, а наша активность на Сахалине притягивает внимание японцев. Вот здесь — кое-какие факты. Есть намеки, правда неявные, на то, что вас могут

связать с нами. А если учесть связи косоглазых с этими, — он ткнул пальцем в документы, — стоит побережиться. Террористы способны на многое...

К известию о внимании британской и японской разведки к моей персоне я отнесся серьезно, но спокойно. Рано или поздно это должно было случиться. И я готов, насколько возможно в существующих условиях. Если сунутся — пожалеют. Респектабельный джентльмен Александр де Лавардан быстро превратится в того маньяка, что развешивал гирлянды из трупов на деревьях в лесах Сахалина...

Остаток дня прошел на мажорной ноте. Ближе к вечеру заявился барон д'Айю, и мы славно посидели, вспоминая прошлые времена и обсуждая новые планы. Но я резко притормозил со спиртным и остался в памяти — увы, не могу позволить себе роскошь нажираться без памяти. При первом же удобном случае я вообще убрался к себе в кабинет поработать с документами. Как там про холодную голову и чистые руки? Немного не то, но в целом подходит. В моем случае главное — ясная башка. Черт, насколько же проще было в Средневековье! Но уже ничего не изменишь, мы имеем то, что имеем.

Ладно... вернемся к нашим баранам. Сначала я думал вообще скovyрнуть с трона Николая, заменить его кем-то другим из царской фамилии. Но потом благополучно задвинул идею, потому что это никак не помогло бы мне и тем более России, а может, сделало бы только хуже и растянуло агонию страны надолго. Но забегать вперед не буду, начну с Сахалина, а там посмотрим.

Итак, Сахалин. Россия заново воевать с япошками за этот клочок суши не будет, хоть тресни: во-первых, к войне она пока категорически не готова, а во-вторых, Сахалин для нее пока практически бесполезен. И ни одна другая страна тоже сюда не полезет — в этом нет абсолютно никакого смысла. Политический момент и все та-

кое, к тому же остров не бесхозный, придется бодаться сразу с двумя странами, на минуточку, не самыми отстающими в военном отношении.

Я себе всю голову сломал, очень долго ничего толкового придумать не мог, но потом вдруг осенило. Вполне можно обойтись без России и других государств. В истории уже случался прецедент, когда одной зарвавшейся стране надавала «оплеух»... да-да, частная торговая компания, по сути, на тот момент транснациональная корпорация. Я о Дании и Ганзе, будь она неладна, веду речь. Той Ганзе, которой я в бытность князем Двинским сам обломал рога.

Понятно, время не то, но суть от этого не меняется. Частников при наличии экономических интересов — я как раз о найденных гигантских запасах нефти, мировая элита если не поддержит открыто, то в обиду точно не даст. А Россия благополучно разведет руками: мол, мы-то тут при чем, разбирайтесь с этими сбрендившими торгашами сами.

Осталось только понять, как узаконить присутствие тех самых частных на Сахалине. Но и этот вопрос решается банально. Надо просто купить к чертовой матери у России Северный Сахалин. Вернее, взять в аренду на выгодных для нее условиях, лет эдак на девяносто девять. А потом спровоцировать япошек на агрессию и при полном негласном политическом одобрении мирового общества свернуть им шею.

Да, звучит абсолютно по-идиотски: где частная компания, пускай даже и богатая, и где Япония, одна из ведущих на данный момент стран в военном отношении.

Но это только на первый взгляд. Шансы есть, и немалые. Я уже очень многое сделал для этого. Правда работы все равно еще осталось непочатый край, как говорится, начать и кончить...

ГЛАВА 3

— Сколько? — надсадно заорал я.

— Сорок!!! — ошарашенно прохрипел длинный сутулый итальянец, чем-то похожий на киношного Папу Карло. — Мамма миа! Сорок...

«Как бы не развалилась этажерка чертова...» — с опаской подумал я и взялся за рычаг газа.

Рев моторов перешел в почти непереносимую тональность, корпус дрогнул и заскрипел всеми сочленениями, катер слегка рыскнул и стремительно помчался над водой. Восторженно заверещала Мадина, но ее визг заглушил дикий свист ветра.

Энрико словно вскинул руки к небу и, отчаянно жестикулируя, принялся мне что-то показывать на пальцах.

«Сорок пять? — честно говоря, я сразу не поверил своим глазам. — Да ну! А если еще капельку, прости, Господи, за лихачество...»

По итогу удалось выжать пятьдесят узлов. Причем посудина не теряла остойчивости и маневренности, словом, вела себя на загляденье. Вдоволь наигравшись, я снизил скорость до минимальной, передал управление итальянцу и приказал идти на базу.

Ну что тут скажешь... Приятно осознавать, что еще одна безумная затея удалась. А началось все два года назад, когда, просматривая технические журналы, я наткнулся на короткую заметку о том, что итальянский изобретатель-энтузиаст Энрико Форланини проводит эксперименты с судами на подводных крыльях. После чего немедленно связался с ним, предложил неограниченное финансирование и полное техническое содействие. А после согласия выкупил в Марселе небольшую разорившуюся верфь, на которой строили рыболовецкие посудины, да и сам с головой окунулся в затею. В свою прежнюю бытность я живо интересовался морской тематикой,

что сильно помогло мне затем в средневековых морских прожектах. Не оказалось лишним и сейчас.

В результате после полутора лет напряженной работы появилась вот эта «неведома зверушка».

Водоизмещение — тридцать пять тонн, корпус из бальзы частично обшит стальными листами длиной в тридцать шесть метров. Нос с реданами, два подводных U-образных крыла и два трехсотпятидесятисильных бензиновых двигателя фирмы «Рено». Рубка открытая, два разнесенных по бортам торпедных аппарата, на носу — сорокасесимиллиметровая скорострельная пушка, а на корме — спаренный пулемет. Вернее, пока только массогабаритные макеты, так как до настоящего вооружения дело еще не дошло, но обязательно дойдет — все уже закуплено. Экипаж — пять человек, бронирование отсутствует, да и дальность хода весьма посредственная: увы, как мы ни старались, грузоподъемность увеличить не смогли — катер просто не становится на крылья. С водометным движителем тоже не выгорело — не хватает мощности движков.

Но даже при всем этом ничего подобного в мире пока нет и не появится очень долго. Самые быстрые английские и французские миноноски едва дотягивают до тридцати узлов.

Мороки предстоит еще много, в том числе с применением торпед на полном ходу, так как оные торпеды, даже самые передовые, тоже гораздо медленней самого катера, но это уже глубоко вторично. Можно считать, что очередной проект успешно завершен. Правда, с производством придется поломать голову. Пока строить не на чем, да и не на что. Как бы я ни был богат, денег в свете нынешних реалий уже не хватает категорически. Но что-нибудь придумаю. Как вариант, можно продать проект, а на вырученные деньги построить пару десятков катеров себе. Той же России продать, ей они очень скоро пригодятся.

Правда, очень сомневаюсь в здравомыслии императорских морских чинов.

На базе я приказал Форланини готовить полную проектную документацию на катер, а сам отправился к себе переодеваться. На верфи я частенько ночевал, так что обзавелся там полноценными комнатами отдыха с душевой и прочими удобствами. Сам устроился в кабинете, а спальню заняла Мадина.

Майя укатила в Париж в сопровождении Луки и Тайто сдавать выпускные экзамены в медицинском университете, а Мад осталась со мной и напросилась на морскую прогулку. Взял, конечно, девчонку я люблю, как родную дочь, и стараюсь ни в чем ей не отказывать, правда, никогда не упускаю возможности повоспитывать. В том числе и жестко, как мальчишку. Сказывается отсутствие сына. Но с детьми у нас с Майей пока не получается.

Скинул моряцкую робу, глянул на себя в зеркало и поморщился. Честно говоря, «сахалинский» вариант мне нравился больше. А сейчас... холеная рожа, наглые глаза и ухмылочка, идеальная, но с налетом небрежности, модная стрижка, эдакий красавчик-мафиози, каким их представляют в кино. Чем-то смахиваю на сериального Мишку Япончика из Одессы, только блондин и габаритами побольше.

Правда, с физической формой сейчас все в полном порядке. Ни капельки жира, сплошные жгуты мышц. При первой же возможности гоняю себя и в хвост и в гриву. Про фехтование и не говорю, без него я жизни своей не представляю, но к нему я еще добавил пару дисциплин: бокс и борьбу. Ну и, конечно, стрельбу. Почти во всех моих домовладениях присутствует тир.

Из соседней комнаты прозвучал капризный голос Мадины:

— Алекс, поможешь? Господи, ну кто придумал этот... ну не возить же мне с собой горничную!

ГЛОССАРИЙ

ажан — французский полицейский

Амурский союз — ультранационалистическая военизированная группировка в Японии первой половины XX в. Другое название — «Кокурюкай» («Общество черного дракона»). Политические задачи, которые ставила перед собой группа: изгнать русских со всех территорий Восточной Азии, находившихся южнее Амура

бальза, бальзовое дерево — редкое растение, источник ценной древесины, в сухом виде чрезвычайно мягкой и легкой

Бунд — еврейская социалистическая партия, действовавшая в Восточной Европе с 90-х гг. XIX до 40-х гг. XX в. Бунд считал себя единственным представителем интересов многочисленного на этих землях еврейского рабочего класса

бундельревольвер, пеппербокс — многоствольный пистолет с вращающимся блоком стволов

Второе бюро/Второе (разведывательное) управление Генштаба Сухопутных войск Франции — орган разведки Вооруженных сил Франции в 1871—1940 гг.

гедонизм — учение, согласно которому удовольствие является высшим благом и смыслом жизни

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕРНАЯ КРОВЬ САХАЛИНА. ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР. Фантастический роман	5
<i>Глоссарий</i>	276